

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН,
Финансовый университет (Москва)

ТОПОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И СТРУКТУРНОЙ ДИНАМИКИ (о творчестве профессора О.С. Сухарева)¹

Аннотация. Статья представляет обзор трех работ одного из самых известных российских экономистов институционального направления – О.С. Сухарева. Рассматривается предложенная автором теория институциональных изменений (включая институциональную инфляцию и передаточный механизм), а также новые достижения в теории структурной динамики.

Демонстрируются предложенные Сухаревым решения в части измерения качества и количества институтов, что делает возможным построение математических моделей институциональной трансформации. Основным приемом, используемым автором в структурной динамике, является хорошо известная статистикам аддитивная модель. С ее помощью автор оценивает влияние на экономический рост отдельных факторов, формулирует теорему «об оптимальном соотношении затрат».

Ключевые слова: институциональная инфляция, экономическая дисфункция, норма потребительной стоимости, теория институциональных изменений, структурная динамика.

JEL: B25, B52, O30, O40.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10111

Олег Сергеевич Сухарев является, по-видимому, одним из самых даровитых и плодотворных российских экономистов. Количество его публикаций, индексируемых в РИНЦ, на февраль 2020 г. составляло 765 (это притом, что одна из рассматриваемых здесь монографий, 2020 г. издания, еще не была отражена в elibrary), а индекс Хирша составлял 41. Это существенно больше, чем у таких выдающихся российских экономистов институционального направления, как академик В.М. Полтерович (219 работ, индекс Хирша – 36) или А.А. Аузан (67 работ, индекс Хирша – 19). Такое количество статей и монографий невозможно отразить в обычном журнальном обзоре, это требует большой статьи в энциклопедии. Целью же нашего очерка является привлечение внимания читателей к некоторым особенностям российского институционального дискурса, которые у О.С. Сухарева, на наш взгляд, проявляются наиболее ярко. Ниже рассматриваются некоторые важные концепты, используемые автором в трех его книгах, увидевших свет в 2005, 2007 и 2020 гг. соответственно.

Уже в работе 2005 г. начинаешь чувствовать особенности авторского стиля: «Экономисты предложили весьма интересное определение общественным благам, *свойства которых приписали и производимым институтам* (курсив мой. – П.О.): блага это –

¹ Сухарев О.С. Институты и экономическое развитие. М.: ДеКА, 2005; Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в экономике. М.: Экономика, 2007; Сухарев О.С. Теория структурной динамики экономики. М.: ЛЕНАНД, 2020. Обзор подготовлен по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

товары, услуги, которые удовлетворяют требованию, что если их потребляет любой индивид X_i , из группы X_1, X_n , то их могут потреблять все члены данной группы (Олсон М., 1995)» [Сухарев, 2005. С. 69]. Если институты, как и блага, можно производить, то встает вопрос об их оптимальном количестве. Это логично: «Оптимальное количество общественных благ (институтов) удастся произвести на линии квазиобщественных благ. В этом случае все произведенные блага оплачены всеми агентами и полный дифференциал выгод равен полному дифференциалу затрат рассматриваемой системы $dV = dC$ » [Там же. С. 70–71].

Тут же, не давая передохнуть, автор вводит понятие «институциональной инфляции». Следует предупредить неподготовленного читателя, что речь идет не об обесценении институтов, а об инфляции, порождаемой институтами. Опуская зубодробительные формулы (О.С. Сухарев использует здесь уже и частные производные, и интегральное исчисление), приведем краткое авторское описание этого феномена: «Приняв зависимость уровня цен от создаваемых институтов (количества общественных благ Q) $p = F(Q)$, эффект от общественных благ для государства будет состоять в разнице между привносимой общей ценностью вводимых благ и общими издержками на их производство... Тогда можно ввести понятие *институциональной инфляции, под которой подразумевается рост цен, обусловленный появлением новых институтов...* (курсив мой. – П.О.). Преобразуя, приходим к дифференциальному уравнению, связывающему изменение уровня цен, приращение затрат на введение новых институтов и количество создаваемых общественных благ при достижении максимального эффекта для правительства от вводимых институтов:

$$\frac{d^2 p}{dQ^2} + \frac{2dp}{qdq} - \frac{1d^2 C}{QdQ^2} = 0$$
 [Там же. С. 71].

Неустанная деятельность российского правительства по созданию федеральных округов, служб, агентств, слиянию и разъединению министерств, преобразование милиции в полицию, надвигающаяся в 2020 г. конституционная реформа, предусматривающая введение нового супер-органа: Госсовета – все это исчерпывающе описывается вышеприведенной формулой. Государство создает институты, они же – «общественные блага», в которых заняты чиновники; чем больше чиновников, тем больше издержки и выше институциональная инфляция. Видимо, так?

Эта блестящая, остроумная идея вполне соответствует авторитетному российскому институциональному дискурсу, в котором «у общества существует спрос на институты». Если какой-то спрос есть, а предложения нет, то возникает дефицит, а дефицит ведет к инфляции, не так ли? Государство предлагает новые институты обществу, удовлетворяя данный спрос, – так раскрывает эту тему О.С. Сухарев. К сожалению, феномен «институциональной инфляции» в целом остался незамеченным многими российскими экономистами, а сам автор в дальнейшем изложении ограничился рисованием очень любопытных кривых и введением дополнительных формул. В этом отношении хотелось бы большей конкретизации и верификации – вдруг верификация показала бы, что связь между количеством институтов и ростом цен отсутствует? Но, что еще важнее, по ходу была бы решена еще одна принципиальная проблема – в каких единицах измерения учитывать институты, чтобы потом вывести их общее количество, определить их темпы прироста (производные) и т.д. По-видимому, это – дело будущего.

Тем не менее не все так просто. Уже через несколько страниц можно наткнуться на следующий, выделенный автором, абзац: «У нас появляются основания утверждать, что действия государства непреднамеренно обесценивают данное экономистами и ставшее общепринятым определение общественных благ. Поэтому справедливо усилить критику употребления в анализе понятия институтов как общественных благ» [Там же. С. 79]. Это озадачивает. Однако на кажущееся противоречие с предыдущим текстом не стоит обращать внимания – повторимся, это особенности стиля О.С. Сухарева. На той же странице,

разбираясь с понятием «инвестиционного барьера», он указывает: «Гипотеза состоит в том, что барьер представляет собой результат дисфункции институтов и социальных структур» [Там же]. Далее О.С. Сухарев делает примечание: «Автор намеренно отказался от напрашивающегося термина «инвестиционная ловушка», поскольку считает, что этимологически, а также с позиции экономического смысла более удобно и правильно говорить о барьере (преграде), а не о ловушке. Подобное замечание, на наш взгляд, справедливо и относительно термина «институциональная ловушка», критический анализ которого проведен ниже» [Там же]. Уже в следующем разделе – «Концепция «экономической дисфункции» хозяйственной системы» – о «барьерах» постепенно забывается, вводится шесть новых определений, в т.ч. – микро- и макроэкономические дисфункции, выводятся формулы, определяющие монетарный диапазон (!), в рамках которого нужно проводить реструктуризацию экономики. Разница между «экономической дисфункцией» и «институциональной ловушкой» разбирается в разделе 1.7: «С одной стороны, развивается идея об институциональных ловушках – неэффективных устойчивых нормах поведения, а с другой, идея дисфункциональности института, согласно которой существование неэффективных норм является закономерным результатом хозяйственной динамики, при которой происходит снижение качественного состояния и фиксация его во времени» [Там же. С. 96]. Почему «с одной стороны» противопоставляется то, что «с другой стороны», читателю, не погруженному в институциональный дискурс, может быть неясно. Даже можно подумать, что институциональная ловушка и дисфункция институтов – одно и то же. Но это не так: «В оппонирующем ключе идее «институциональной ловушки» выступает авторская концепция «экономической дисфункции» (Сухарев, 2001), под которой понимается потеря качественных свойств системы, института» [Там же. С. 98]. Вот теперь должно быть все понятно, не так ли? Некоторые проблемы все же остаются – например, если институт утрачивает какие-то качественные свойства, это все тот же институт, только «дисфункциональный», или *другой*? И какой из них тогда вызывает «институциональную инфляцию»? Вопрос не праздный – если мутирующие институты рассматривать как новые, получается, что количество институтов может расти, как раковая опухоль...

На других разделах этой старой работы О.С. Сухарева мы не останавливаемся за недостатком места, хотя они содержат еще немало интересных идей. Вот, например, предлагаемый показатель НПС: «Норма потребительной стоимости (НПС) – это показатель, позволяющий дать обобщенную оценку качеству продукта и предпочтениям потребителей, определить уровень производства, необходимый для удовлетворения определенных потребностей, фактически измеряющий потребительную стоимость создаваемого блага и позволяющий дать некоторый прогноз относительно его рыночных перспектив» [Там же. С. 284]. НПС, по-видимому, решает проблему, над которой бились маржиналисты и их многочисленные последователи: оказывается, можно выразить как качество продукта, так и предпочтения потребителей в едином количественном показателе. И автор показывает, как это сделать, на соответствующем графике («Рис. 5.1. Соответствие фаз жизненного цикла продукта на рынке и нормы потребительной стоимости» [Там же. С. 285]). По оси абсцисс откладывается время, по оси ординат – объем продаж... оказывается, что вся загвоздка, над которой бились неоклассики – это объем продаж! Когда $НПС > 1$, объем продаж растет, при $НПС = 1$ он остается на одном уровне, при $НПС < 1$ – снижается. Остается только восхищаться изощренностью подхода автора, позволяющей ему легко справляться с такими трудными микроэкономическими проблемами.

Или вот другой заставляющий задуматься и выделенный самим автором в отдельный абзац под номером (2) пассаж в разделе о социальных порядках (которые в целом являются синонимом системы институтов): «Рост информационного потенциала ликвидирует имевшую место разницу в интеллектуальном развитии индивидов. Сейчас, в среднем, разница в интеллекте между индивидами составляет не более 1,5–2 раз, в то

время как разница в доходах составляет не более 10-15 раз, а при сравнении некоторых групп населения 20, 40 и даже 100 раз. Именно это несоответствие разницы в интеллектуальных способностях и доходах будет определять всю гамму социальных противоречий в XXI в. Забегая вперед, можно сказать о том, что эта тенденция полностью подрывает доктрину естественных прав, принятую в качестве базы развития либерального общества западного типа» [Там же. С. 345]. Действительно, современные гаджеты всех делают примерно одинаково умными (тупыми?), а доходы различаются. Непонятно, как это будет подрывать доктрину естественных прав, которая вроде бы предполагала равенство свобод при наличии, тем не менее, разных доходов и имущества (право на защиту собственности), но все может быть...

Следующая работа О.С. Сухарева «Институциональная теория и экономическая политика. К новой теории передаточного механизма» (2007) является знаковой² – среди его многочисленных статей и монографий по количеству цитирований она идет на четвертом месте (175 цитирований в РИНЦ). «Обращение к читателю», открывающее книгу, подписал тогдашний вице-президент РАН, академик В.В. Козлов, а «Вступительное слово» – тогдашний директор, нынешний научный руководитель ИЭ РАН, член-корреспондент ИЭ РАН Р.С. Гринберг. Рецензентами книги выступили академик В.И. Маевский и рано ушедший из жизни экономист институционального направления, заместитель директора ИЭ РАН, д.э.н., проф. А.Н. Нестеренко. Это первый том из двухтомника (и второй том также хорошо известен российскому читателю, но мы на нем останавливаться не будем), и он носит подзаголовок: «Книга 1. Институциональная теория. Методологический эскиз». Подробно рассмотреть эту работу объемом 32,5 п.л. в данном очерке также нет возможности, мы остановимся только на отдельных, особенно любопытных на наш взгляд, новациях в институциональной теории.

Вот, например: «...позиции ортодоксов наилучшим образом согласовывались с подходом старых институционалистов, поскольку они признавали влияние институциональных факторов в длительном периоде, но на коротких отрезках времени считали институты стабильными. Такое впечатление обманчиво. Конечно, неоклассики, условившись относительно влияния институтов во времени, не учли эффект «размазывания институционального действия» по шкале времени. Если рассматривается короткий период $[t_1, t_2]$ и скорость институциональных изменений равна нулю $\delta I/\delta t = 0$, что говорит о полной стабильности институциональных структур, отсутствии трансформаций и мутаций, то очевидно пренебрежение институциональными изменениями, могущими быть в периоды $[t_1 - 1, t_2 - 1]$, $[t_1 - 2, t_2 - 2]$ $[t_1 - n, t_2 - n]$, оказывающими воздействие на функционирование экономики на интервале $[t_1, t_2]$. Не найдя аналитических приемов учета исторического развития в своих моделях, ортодоксия выработала механизмы экономической политики, так и не справившись с ними, она признала их нормой... *...факт такого поведения представителей неоклассических школ указывает на мифический образ стабильности институтов в коротком периоде* (курсив мой. – П.О.)...

...допустим, что $\delta I/\delta t \neq 0$, тогда нужно принять два вероятных варианта – скорость изменений на отрезке $[t_1, t_2]$ постоянна, то есть происходит по линейному закону (этот вариант наименее вероятен), и скорость изменяется согласно некоторой зависимости, то есть изменения происходят по нелинейному закону, что наиболее вероятно. Математически это имеет вид:

² Это второе издание работы 2002 г. Именно за цикл из двух монографий: «Институциональная теория и экономическая политика» и «Теория экономической дисфункции» О.С. Сухарев стал лауреатом медали РАН (wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2,%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B3_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87).

$$1) \frac{\delta I}{\delta t} = L;$$

$$2) \frac{\delta I}{\delta t} = Z(t).$$

Кроме того, существует критический порог скорости институциональных изменений, при достижении которого экономическая система не может нормально развиваться – наступает дестабилизация, или, забегая вперед, макродисфункция...

...информация неотделима от понятия «институт». Она, как и деньги, является социальным порядком, иными словами, исходя из нашего определения, институтом. Для нее характерны все атрибуты института: информация живет самостоятельной жизнью, пронизывает все институциональные подсистемы общества, являясь аналогом нервных импульсов в человеческом организме, подобно тому, как деньги являются аналогом человеческой крови. Здесь возникает несколько важных проблем. Во-первых, потенциал институциональных изменений на отрезке $[t_1, t_2]$ будет определяться:

$$I = \int_{t_1}^{t_2} L dt$$

или

$$I = \int_{t_1}^{t_2} Z(t) dt,$$

что создает необходимость определения константы L и функции $Z(t)$, задающих скорость институциональных изменений на выбранном временном интервале. Во-вторых, с какого интервала, отстоящего от рассматриваемого, считать институциональные воздействия на него пренебрежимо малыми? В-третьих, какой период времени в количественном отношении охватывается каждым интервалом? Кстати, стрела времени в нашем случае имеет равномерную разбивку, то есть все временные отрезки одинаковые и равны, например, одному году. Однако что если они будут охватывать три года? Тогда вид подынтегральной функции должен быть другим...» [Сухарев, 2007. С. 87–88].

Надо сказать, что автор изобретает новый, оригинальный риторический прием. Т.е., скажем, что некто (ортодоксальный экономист) полагает, что в коротком периоде институты стабильны. А ему в ответ: «допустим, что $\delta I/\delta t \neq 0$. И что тут скажешь? Остается только руками развести.

В целом же этот большой пассаж из книги 2007 г. напоминает уже процитированные отрывки из монографии 2005 г. Это естественно, так как и в первом случае речь идет о создании новых институтов, и во втором – об институциональных изменениях. Как видим, и количество институтов (общественных благ), и институциональные изменения рассматриваются как измеримые, их можно выразить в количественных показателях, скорость определяется через производную, общее количество институтов – через интеграл. При этом, правда, куда-то исчезла отмеченная нами выше остроумная идея об институциональной инфляции. Вместо нее возникает другой вывод – если изменения (количество институтов) нарастают слишком быстро и превышают некоторый «критический порог» – «макроэкономическая дисфункция».

Немного странно, что О.С. Сухарев не интерпретирует «критический порог» как социальную революцию, и не пытается с помощью своего выражения $\delta I/\delta t$ вычислить (или хотя бы ввести на бумаге) некоторый момент T^* , после которого старые деньги ничего не стоят, информация становится фейком, а институты самоуничтожаются. Понятно, что революционная ситуация, описываемая с помощью подобного рода формул и «стрел времени», выглядит издевательством над революционерами всех стран и эпох, но – почему бы и нет. В конце концов, это не так уж отличается от дифференциального исчисления институциональных

изменений, развиваемого автором в его книгах. Кроме того, повторимся, этот стиль вообще характерен для современного институционального анализа. Правда, вместо функций, «задающих скорость изменений на данном временном интервале», многие институционалисты предпочитают задавать функции поведения различных экономических акторов, максимизирующих свою полезность в рамках заданной системы правил. Исчисление революций (впрочем, как и «институциональных изменений (реформ?)») в отличие от их практического осуществления – вполне респектабельное и безопасное занятие.

Много внимания в рассматриваемой работе уделяется авторскому осмыслению достижений предыдущей экономической мысли. Есть разделы, посвященные неомарксистам, подходу Коуза и Бьюкенена, австрийской традиции, экономическому империализму... Вероятно, этот вклад О.С. Сухарева еще будет оценен по достоинству историками экономической мысли. Однако в заглавии работы присутствует «новая теория передаточного механизма в экономике». Четкого определения «передаточного механизма» нам найти не удалось. Однако на стр. 256–258 приводится классификация передаточных механизмов, а табл. 3.4 озаглавлена как «Соответствие передаточного механизма экономической политики типу хозяйственной системы» [Сухарев, 2007. С. 257]. Типу экономической системы: «централизованная экономика с преобладанием государственной собственности и сниженным демократическим потенциалом» соответствует три типа передаточного механизма: традиционный, улучшенный, новый. Традиционный предполагает государственное управление экономикой и собственность (??!) на средства производства, директивные цены, товарный дефицит, суженный потребительский выбор; улучшенный – самоуправление и самофинансирование, арендную и кооперативную собственность, цены Ланге, расширение потребительского выбора; новый – китайскую модель передаточного механизма: либерализацию экономики, все виды собственности, импортозамещающую индустриализацию, расширение товарного рынка, адсорбцию технологий (??!) и государственные инвестиции в коммерциализируемые НИОКР, широкий потребительский выбор при ограничении политического выбора. Переходной экономике соответствует традиционный передаточный механизм для стран третьего мира и улучшенный – для постсоциалистических стран, нового механизма нет. Наконец, для «смешанной экономики с преобладанием частной собственности и высоким демократическим потенциалом» традиционным передаточным механизмом оказывается кейнсианство или неоклассика; улучшенный – «снабжен ограничительными нормами правового, социального и политического характера»; новый – «разрабатывается с позиции институциональной теории регуляции».

Таким образом, похоже, передаточный механизм – это некий комплекс мероприятий экономической политики, существующий в той или иной хозяйственной системе. Сам автор указывает: «...различие в эффективности развития разных стран во многом определяется способностью и возможностями правительства... выработать передаточный механизм, при помощи которого государственное управление становится адекватным хозяйственным реалиям» [Там же. С. 258]. Признаться, не очень понятно, каким образом введение в научный оборот категории «передаточного механизма» способствовало приросту экономического знания, но приходится допустить, что это – результат нашего поверхностного чтения. Вот, например, как О.С. Сухарев полемизирует с лауреатом нобелевской премии Д. Нортотом: «концепцию Норта в этой части срезает под корень институциональная регрессия, принимающая очень интересное звучание.

Во-первых (курсив О.С.), что есть цена, если не институт?... цены являются сложным комплексом разных правил, а значит, представляют собой, согласно определению Норта, институт.

Во-вторых (курсив О.С.), установление цены как института тоже требует правил, то есть институциональные изменения происходят в результате преобразования неких базовых институтов...» [Там же. С. 260].

Вот так-то. И, если признать цены институтами, то никаких проблем с измерением институтов, а заодно с их количеством, не остается. Посмеем предположить – сам Норт об этом никогда не подозревал.

Новая (2020 г. выпуска), относительно небольшая (12,5 п.л.) работа О.С. Сухарева «Теория структурной динамики экономики» интересна тем, что в ее содержании не встречается слово «институт». При этом сам автор пишет в предисловии: «Хотел бы верить, что эта книга позволит продвинуться в том, чтобы не только понять, каким образом структурные изменения влияют на экономическую жизнь, но что они являются и выражением этой жизни, а самой важной задачей становится обоснование и подбор методов влияния на экономическую структуру» [Сухарев, 2020. С. 9]. Смена дискурса несколько удивляет: раньше были институциональные изменения, теперь структурные; собственно, и выражением экономической жизни тоже были «институты», а теперь – «структура». Налицо серьезный методологический поворот (автор в предисловии отсылает к своим работам, выходявшим на протяжении 2014 – 2019 гг., но не ранее, хотя вездесущий РИНЦ находит популярные работы О.С. Сухарева и 2008, и 2010 гг., посвященные все той же проблематике).

Итак, «Структурная динамика – это прежде всего изменение доли элемента в границах экономики, а также скорости развития (темпа роста) этого элемента относительно других элементов и темпа роста экономики» [Там же. С. 10]. Пусть так, но что понимается под «элементом»? На следующей странице автор поясняет, что «элемент» – это одна из компонент ВВП по расходам (потребление, инвестиции, госрасходы, чистый экспорт). Далее формулируются семь основных положений теории структурной динамики [Там же. С. 20], которые по большей части являются следствиями обычной арифметики (удельный вес различных элементов ВВП и разные темпы роста по-разному влияют на общий темп роста ВВП). В курсе вузовского экономического анализа подобные построения называют аддитивными моделями, но «структурная динамика» звучит лучше.

Далее с помощью сравнительно простых вычислений определяются «вклады элементов» в ВВП России [Там же. С. 41–50]. При этом по оси абсцисс указывается удельный вес «элемента» в различные годы (2003–2018), а по оси ординат – «Вклад компоненты в ВВП России, в %%». Надо сказать, что последняя формулировка вводит в заблуждение – на самом деле имеется в виду «вклад в темп прироста ВВП», но это не так уж и важно.

Кроме обычных компонентов ВВП, автор проделывает то же самое с «сырьевым», «обрабатывающим» и «транзакционным» секторами России. Это полезное статистическое упражнение позволяет ему прийти к следующему выводу: «Возлагаемые надежды на инвестиции как главный локомотив экономического роста, если учесть структурный анализ ВВП, проводимый на основе сформулированных здесь положений теории структурной динамики (!), оказываются тщетными в случае, когда инвестиции рассматриваются «агрегатно», без учета факторов их распределения и влияния на экономическую динамику» [Там же. С. 49].

После чего в следующей главе выделяются два больших типа технологий – новые и уже используемые. В них осуществляются соответствующие инвестиции. С помощью все тех же аналитических приемов записываются уравнения, характеризующие экономический рост, однако какая-либо верификация здесь уже отсутствует. Что и констатирует автор: «Полученные условия... могут использоваться не только для идентификации сформировавшейся модели роста, но и для того, чтобы определить, какие факторы элиминируют (??!) условия экономического роста данной страны. Для их практической реализации нужны эмпирические исследования и расчеты, так как эти модели и условия получены аналитическим путем...» [Там же. С. 69].

Далее, в главе 3, О.С. Сухарев доказывает «Теорему о соотношении затрат». При этом рассматриваются два сектора – «транзакционный» и «трансформационный», оба генерируют прибыль. Казалось бы, далее должно последовать воспоминание о втором законе

Госсена, и ограниченные ресурсы должны перераспределяться между секторами до тех пор, пока не будет достигнута одинаковая отдача на последнюю единицу затрат, что приведет к максимизации прибыли. Однако нет, автор полагает, что «необходимо ориентироваться на показатель, показывающий соотношение транзакционных и производственных (трансформационных) издержек: $K_I = T_I/M$, где T_I – транзакционные, M – трансформационные... затраты... Чем ниже транзакционные издержки на единицу производственных ... издержек, тем эффективнее развивается экономика» [Там же. С. 75]. Почему? Бог весть.

Можно догадаться, откуда у автора такая нелюбовь к «транзакционному сектору» – ведь если вспомнить про институты, то они призваны экономить транзакционные издержки (недаром О.С. Сухарев в конце этой главы вспоминает про теорему Коуза [Там же. С. 83]). Но деление на два сектора играет с ним дурную шутку – в транзакционный сектор (сферу услуг) попадают ведь и сферы здравоохранения, образования, НИОКР. Поэтому сформулированная им теорема: «Оптимальная структура затрат (при $\Delta M \leq dTr$, $dm \leq dr$, то есть не за счет роста материальной компоненты издержек) достигается при условии, когда темп роста выработки равен сумме темпов роста эффективности и транзакционных затрат на одного занятого» [Там же. С. 82] вызывает сомнения в ее инструментальности – это оптимум для кого? Аналогичные вопросы, впрочем, возникают и по поводу анализа риска национальных проектов (графики приведены в Приложении: по оси абсцисс отложены темпы роста финансирования проекта, %, по оси ординат – темпы роста риска, %). Обычное понимание риска как вероятности наступления неблагоприятных событий (для проекта – вероятности того, что поставленная цель не будет достигнута) здесь, похоже, не применимо.

Любопытной особенностью последней монографии О.С. Сухарева является практически полное отсутствие ссылок (кроме тех, где он ссылается на самого себя). Учитывая объем написанного этим плодовитым экономистом, такой подход выглядит вполне обоснованным – действительно, «сформулирована и доказана «теорема о соотношении затрат»,... ..получены структурные формулы оценки влияния государственных ... проектов на темп экономического роста... построены модели оптимизации портфеля секторов..., позволяющие продемонстрировать проблему «структурного выбора» [Там же. С. 191]. Все эти результаты имеют огромное значение для российских министерств, отвечающих за проведение экономической политики. Остается надеяться, что чиновники, в отличие от нас, смогут осознать всю глубину академической мысли.

У О.С. Сухарева – счастливая судьба, к нему рано пришло признание его вклада в развитие отечественной институциональной теории. Его сдвиг в сторону изучения сложных проблем структурной динамики пока еще не оценен, хотя общее направление его исследований становится все более ясным. Остается только пожелать ему новых больших открытий.

ЛИТЕРАТУРА

- Сухарев О.С. (2005). Институты и экономическое развитие. М.: ДеКА.
 Сухарев О.С. (2007). Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в экономике. М.: Экономика.
 Сухарев О.С. (2020). Теория структурной динамики экономики. М.: ЛЕНАНД.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskya@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences; professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.

orekhovskya@mail.ru

**TOPOS OF DOMESTIC INSTITUTIONALISM AND STRUCTURAL DYNAMICS
(about the Works of Professor O.S. Sukharev)**

Abstract. The article presents an overview of three works of one of the most famous Russian economists of the institutional direction – O.S. Sukharev. Being considered proposes of author the theory of institutional changes (including institutional inflation and the transmission mechanism), as well as new achievements in the theory of structural dynamics.

Are demonstrated the solutions, proposed by Sukharev in terms of measuring the quality and number of institutions, which makes it possible to build mathematical models of institutional transformation. The main technique used by the author in structural dynamics is the additive model, well-known to statisticians. With its help, the author evaluates the influence of individual factors on the economic growth, formulates the theorem “on the optimal cost ratio”.

Key words: *institutional inflation, economic dysfunction, rate of consumer value, theory of institutional changes, structural dynamics.*

JEL classification: B25, B52, O30, O40.

REFERENCES

- Sukharev O.S.* (2005). *Instituty i ekonomicheskoye razvitiye* [Institutions and Economic Development]. M.: DeKA.
- Sukharev O.S.* (2007). *Institutsional'naya teoriya i ekonomicheskaya politika: K novoy teorii peredatochnogo mekhanizma v ekonomike* [Institutional theory and economic policy: Toward a new theory of the transmission mechanism in economics]. M.: Ekonomika.
- Sukharev O.S.* (2020). *Teoriya strukturnoy dinamiki ekonomiki* [Theory of Structural Dynamics of the Economy]. M.: LENAND.